

Л. П. КАРСАВИН

Святой Августин и наша эпоха

Со времени кончины святого Августина (28 августа 430 г.) прошло уже тысяча пятьсот лет, но, несмотря на это, он — наш современник. Действительно, никто из отцов Церкви и писателей V в. не известен нам так хорошо, как Августин. И это не случайно: святой Августин — епископ Гиппона (с 395 г.), приближаясь к порогу пятидесяти лет (родился он 13 октября 354 г.), в 397—400 гг. описал важнейшую часть своей жизни в знаменитой «Исповеди» («Confessiones»).

Гениальная и странная книга! Это не дневник, не просто события, мысли или запечатленные чувства. Это — религиозная философия индивидуальной жизни, или, как сказал бы Гёте, это есть «Wahreit und Dichtung» — «истина и творчество». Истина, несомненно, известная лишь одному Богу, тускнеет, а иногда становится темной, когда ее творчески являет человек. Однако обладаем ли мы чем-либо большим, нежели наше бедное самосознание? Разве не самая настоящая, последняя и вечная истина светит нам тогда, когда мы грезим о том, кем хотели бы и кем — о том лишь Бог знает — могли бы быть? Разве, состарившись и вспоминая жизнь, навеки ушедшую в прошлое, мы не думаем о том, что в прошлом было действительно истинным, но нами, увы, не замеченным? Словом, даже ложь наша, разве не является она отражением Божественных мыслей?

Преувеличивает, риторически преувеличивает Августин, «дитя благой надежды» (*bonae spei puer*) и сын горьких слез матери Моники, когда утверждает, что был ветрен и распущен в младости. Верим, что, не познав любви, он уже «любил любить» (*amabat amare*). Но разве можем мы считать большим грехом то, что он вместе со своими друзьями украл несколько яблок из чужого сада? Не таким уж страшным злом является и

то, что он долгое время жил вне брака с женщиной. Церковь в то время достаточно снисходительно относилась к конкубинату. Так что не следовало оплакивать стареющему епископу свою «грешную» юность: куда более правой оказалась его мать плача не по распущенности сына, а по его ереси... Но так ли это на самом деле?

Понятно, что все это мелочи. Но именно в мелочах и по мелочам является нам человеческая природа. Возможно, не столь уж и важно, что именно и каким образом заставляет действовать человека его внешняя жизнь. Все люди, все мы, говорит Августин, есть единый народ погибели, «*massa perditionis*», несмотря на то что один, например, грешит, и очень сильно, а другой еще лишь замышляет о грехе. Никто не может оправдаться перед Богом, судиться с Ним из-за своих грехов или заслуг, дарованных самим же Богом. Что может значить кажущееся величие или различие заслуг людей, когда сравниваешь Божественное совершенство с человеческой ничтожностью? Ведь самым важным является то, что даже свободному человеку по самой сути его недостает блага.

Именно на это существенное зло человека и указывает нам святой Августин, когда до мельчайших подробностей анализирует собственную душу. Мы улыбаемся, читая возвышенное описание его грехов. И вдруг — мы узнаем самих себя и наше лицо вновь становится серьезным. Августин безжалостно исследует уже нашу душу; то маленькое яблочко, когда-то украденное святым, — это наш собственный величайший грех¹. Мы видим самих себя в тех чертах Августина, которые для него остались не поняты и морально не оценены. Августин близок нам так, как близки мы сами себе, когда пытаемся эстетически оправдывать Божий мир. Жуткий холод наших душ и безжалостность Августина помогают забыть бесконечные муки грешников перед лицом красоты вечного огня. О эта неутолимая, таящаяся в глубинах души борьба Божественной любви с застывшим человеческим бесчувствием! Тот же Августин — виртуоз в дружбе, по-женски чуткий и ласковый, но в том, что касается Церкви и ересей, — настоящий вождь и деспот даже для друзей. Он не терпит возражений, беспокоится о себе более, нежели о друзьях, ибо согласен их любить только во имя Божие (не ради их самих, а весьма часто — ради самого себя). Он равнодушно бросает свою мать и, скрываясь от нее, отправляется в Рим (около 385 г.). Однако же отрицает реальность существования увиденных во сне умерших, так как если бы они действительно появлялись, то покойная мать, безумно его лю-

бившая, непременно бы этим воспользовалась и навестила своего сына.

Августин, исследуя собственное сознание, взирает на его таинственное дно, где исчезает индивидуальность и рождается душа каждого существа. «Не выходи, вернись в себя! Истина живет внутри человека», — восклицает он, присваивая величайшую идею платонизма и тем самым возвещая о начале нашего с вами века. Поэтому он нам близок. Августин был и остается на протяжении всей европейской истории одним из самых современных авторов. Именно он обнаружил ту индивидуальность, которой не знали ни Платон, ни Плотин. Во все эпохи и до сих пор европейцы находят в его сочинениях характерный для них источник индивидуализма.

Августин переработал догматику, разъясненную восточными святыми отцами Церкви, и, дав ей своеобразное толкование, обосновал ею христианское вероучение. Он первым на Западе определил понятие Бога как чистого Духа; попытался, анализируя собственную душу, доказать троичность Бога: открыл для западной культуры богатейший мир неоплатонической мистики и философии; разъяснил проблематику Божественного милосердия и человеческой свободы; сформулировал в общих чертах католическое учение о церковной иерархии и авторитете, раскрыв при этом существо ереси донатистов.

Но, прежде чем постичь великое значение церковного авторитета, ему пришлось изрядно помучиться. С раннего детства Августин искал Высшее Благо, которое могло бы внести в его душу покой, но тогда он еще не подозревал, что этим Благом должен быть Бог: «Беспокойна моя душа, пока в тебе не усмирится». А тогда юный и гордый философ верил, что только «наука и познание природы» делают человека счастливым. Гордый, как профессор, желая все знать несомненным образом, он презирал наивные предания христиан и верил манихеям, обещавшим ознакомить его с научно доказанной истиной. А так как, при всей их науке, вера манихеев была полна суеверий, он начал склоняться в сторону скептицизма Новой академии, не имея уже ни счастья, ни веры, ни надежды. Наконец пришло долгожданное спасение. Познакомившись в Медиолане, где он профессорствовал в 384—387 гг., с «Эннеадами» неоплатоника Плотина, в переводе Викторина, Августин отрекся от своего первоначального материалистического мировоззрения и проник в суть чисто духовного бытия. Он, весьма тому удивляясь, нашел в сочинении язычника Плотина не только христианскую истину, но и догмат Троицы. Красноречивый

оратор, святой Амвросий, чьи проповеди в это же время слушал Августин в Медиолане-Милане, развеял последние его сомнения и показал ему, что Священное Писание при аллегорическом его толковании способно поразить своей философской глубиной и совершенно не противоречит моральным законам.

Однако даже самая «действительная философия» не совпадает с христианской жизнью. Вчитываясь в трактат Плотина, в Послания апостола Павла, Августин углубляется в «нашу философию», но не в состоянии отречься от любви и чести, от языческого образа жизни. Напрасно он вспоминает прожитые годы, чувства наивной веры ребенка. «Имя моего Спасителя. Твоего Сына, которое светило мне еще в утробе матери, грело и правило моим нежным сердцем. А все другое, сколь бы истинным и красивым оно ни было, меня не радовало...» Честолюбивый профессор чувствовал себя оскорбленным, слыша о необразованных монахах: они-то преодолели мир, а он, видите ли, не может! Он не может решиться жить, не может решиться осуществить уже познанную истину, а значит, и идеал христианства! «Поднимаются темные люди и завоевывают небо. Мы же, бессердечные ученые, все еще копошимся в телесной и кровавой грязи!»² — недовольно бросает Августин другу и устремляется опережать победу в последней битве.

Надо только очень захотеть, «*velle fortiter et integre*»³. Но воля, так легко управляющая телом, не может приказать себе. Ясно, что причина тому — болезнь души. И все это время он метался между страстным желанием и нежеланием: «Так я болел и мучился, чтобы только разорвать эти поношенные путы. Но они все еще держали меня. И ты, Господи, пришел в мои таинственные глубины и угрожал, полный сурового милосердия, розгами страха и стыда. Я шептал в своем сердце: пусть это будет вот сейчас, вот сейчас! — И, говоря это, я наполнялся решимостью и почти уже совершал и <...> не совершал. Но я держался, не падал духом и храбрился. И опять пытался. Еще чуть-чуть — и я уже там; еще немного — дотронулся, уже держу. Но — я не был там и не коснулся, боясь смертью умереть и жизнью жить. Чем ближе приближалось то время, когда я стану иным, чем неизбежнее оказывалась встреча с ним, тем менее оно отталкивало и пугало меня, скорее — держало в приподнятом состоянии»... «Что же ты стоишь и не стоишь? Бросайся в Господни объятия! Не бойся, Он не отступит и ты не упадешь», — вещала Целомудренная Сдержанность (*casta continentia*). А он стонал: «Долго ли еще это будет длиться? Завтра, завтра. Почему же не сейчас кончается мой стыд?»

И — вдруг он слышит: «Бери и читай! Бери и читай!» (*Tolle lege, tolle lege!*). Кто же это может быть? Может, это голос играющего мальчика? Но никто, кажется, в такие игры не играет. Это сам Бог велит положить перед глазами Евангелие и читать. Августин начал читать это послание апостола Павла (Рим. 13, 13—14), и «не захотел читать дальше, более не нужно было... словно светлый луч доверия проник в мое сердце и все темные сомнения исчезли».

К тому времени Августин уже постиг истину теоретически, и поэтому его обращение (*conversio*) было не действительным актом знания, а познанием, связанным с жизнью. Это было рождение нового, настоящего, внутреннего человека — деяние не Августина, не человека, но Бога: «Ты ослепил меня, слабо-видящего, просветив Своим сиянием; я задрожал от страха и любви... То красота Твоя поднимала меня, то я, столь тяжкий, опять ниспадал». Только Бог живет человека, «того, кто желает, ведет, а нежелающего тащит»⁴. Никто не рождается нравственно и духовно без милости Божьей. Но, не родившись, не можешь по-настоящему познать Бога. А поскольку истина «нашей философии» опирается также и на жизнь, то действительность такого познания зависит и от жизни познающего, а значит, от Божественной милости.

Безусловно, на первом месте стоит познание. Ведь, в то время когда вера лишь верит в познание истины, познание непосредственно имеет перед собой объект. Но, если познание Бога и мира полностью соединяется с Божественной и человеческой любовью, оно перестает определять полноту христианской жизни: есть нечто, что постигается, но разумом не доказывается и все-таки является истинным. Поэтому практически — вера (авторитет) всегда идет впереди. Да и сам разум требует, чтобы сначала верили, а только потом размышляли. «Если не поверите, не удостоверитесь» (Ис. 7, 9). «Приказывай, чего желаешь? — молясь, говорит Августин Богу, — только вылечи и открой мои уши... И если в вере находят Тебя те, которые призывают Тебя, то дай мне веру». Человеку же он говорит: «Если хочешь понять, верь... Если чего-то не понимаешь, тоже верь... Понимание — это награда за веру. Так что не понимаю, чтобы верить, но верю, чтобы понимать» (*credo ut intelligas*).

Таким образом, Августин отказывается «свободно» философствовать. Заранее принимая все то, что провозглашает Святая Церковь, он более не желает смело искать истину. С этого дня гордый скептик более не видит смысла объяснять авторитет. Разве еще не доказаны самые важные истины, само хрис-

тианство? Разве не лучше, не легче поверить в то, чего еще не понял? Спустя двенадцать веков другой знаменитый мистик, Блез Паскаль (1623—1662), покажет, что человеку, когда он бьется об заклад о бытии Бога, «выгоднее» верить в Бога. И действительно, отрицая Бога, можешь заслужить вечные муки: веря же в Него, даже если Его и нет, не потеряешь много жизни и счастья и, наоборот, если Он есть, можешь стать навечно счастливым. Августин еще в юности был не удовлетворен христианским «невежеством» и по этой же причине презирал манихейскую науку⁵. Однако впоследствии сам стал проповедником и заступником традиционной догмы и авторитета. Он более не ищет и не исследует, а пытается понять лишь то, что обнаружено другими. Не надо по-доброму звать еретиков в Церковь. Надо заставить их войти туда! «Compelle intrare!»

Кажется, что эта наивная вера дитяти одержала верх над разумом мужа. Несомненно, что это лишь наше мнение, мнение современных мудрецов, и, конечно, оно относительно, ибо — «будьте как дети!» Да и сам Августин не был человеком, который отказался бы от размышлений. Представим хотя бы на время, что церковная наука является абсолютной истиной, к тому же и единственным источником всех других истин. Разве ошибается Августин, когда ей верит и на нее опирается? Основа Церкви — вера. Но разве это только субъективное доверие к авторитету, как чаще всего думает сам Августин? Разве не существует нечто другое, что определяет приход Божьей милости в сердце человека и конец всех его сомнений, ибо Бог — несомненен? Августин противоречит сам себе (хотя, по сути, возможно, и нет), когда собственную веру считает за Божию милость, а значит, и дарованную самим Богом. Так или иначе, «вера» Августина не просто доверие, но соединение Бога с человеком, мистический акт. В этом акте познание связано с нравственным возрождением человека: человек более не разделяется на «разумного» и «живущего», и несомненно, только такое познание становится истинным. Однако сам Августин не видел и не ощущал никакого противоречия между разумом и авторитетом. И действительно, обращение Августина для него самого не является началом рабского послушания, а есть освобождение действительного внутреннего человека, восход сыновней свободы. Конечно, веруя, мы еще не видим истины, как не видит ее и разум, не освященный верой. Но, когда наш разум верит, мы касаемся вечной истины и достигаем ее в небесной жизни. Августин не перестает философствовать, но делает это несколько иначе — через объяснение Священного Писания и

церковную науку. Это новый метод, новая форма, и только. Но нельзя сказать, что, приняв другую форму, его философия, отчасти христианская, отчасти неоплатоническая, погибает или исчезает. Поэтому работы Августина, как бесконечный источник теологии, волнуют и европейскую философию, и внецерковную мистику. Но, поскольку все люди, и даже святые отцы, ошибаются, Церковь не признала многого из того, что писал и о чем думал Августин. Часто она боролась с ним, опровергая его страстных учеников. Так, например, она несколько смягчила строгость учения Августина о *praedestinatio* — предопределении, а для восточных, «староверов», это учение вообще осталось чуждым и просто малопонятным. Ведь Августин учил, что Бог искупил грехи лишь некоторой части людей, грехи тех, кто по своей свободной воле избрал вечную смерть, остальных же Он сотворил только для смерти. Так, Августин писал о заранее предопределенных к вечной смерти — «*morti sempiternae praedestinati*». Впоследствии протестанты усвоили и последовательно развили августиновские мысли о предназначении и о непреодолимой (*indeclinabilis et insurabilis*) Божьей милости.

Августин потому и гениален, что обуславливает и в отрицательном, и в положительном отношениях идейную развернутость европейской мысли. Не совсем понятен был Августин и современникам, не вполне ясную идею он выдвигает, когда различает «Божественное государство» (*Civitas Dei*) и «мирское государство» (*civitas terrena*). Но в Средневековье эта идея была упрощена. Римские папы, желая властвовать над народом Христа, постоянно пытались осуществить свое желание, они ожесточенно боролись с императорами: так прояснялось мирское государство и, омрачаясь, воплощалось Божье.

Наследие Августина вплоть до XIII в. служило основанием для всех философских систем. Еще в IX в. Иоанн Скот Эриугена пытался создать синтетическое мировоззрение, соединяя идеи восточных отцов Церкви с философией святого Августина. В XI в. святой Ансельм, «второй Августин», углубил и обновил учение великого отца Церкви. Правда, после того как победила томистская философия, более отвечающая росту естественных наук, учение Августина утратило свое руководящее значение в философии⁶. Однако ж и сам святой Фома, осторожный (*apdairus*) последователь Аристотеля, не смог в важнейшей области теологии обойтись без августинизма. Друг Фомы Аквинского, святой Бонавентура, пытался согласовать Аристотеля с Августином, а Дунс Скот смело продолжил традицию

Августина. И если святой Фома, этот «ангельский доктор», до сих пор является в Церкви величайшим авторитетом в области теологии и философии, то вся европейская мистика берет свое начало с Августина. Кроме того, на него опирается и протестантская теология. Современный европеец, презирая веру и мало понимая значение такого своего отношения, гордится собственным критическим мировоззрением. Такая сугубо «научная» философия воистину по-данайски наградила его скептическим релятивизмом и индивидуализмом. Единственное, чего он не в состоянии сделать, это отказаться от философии, которая заставляет его сомневаться во всем в мире, и даже в существовании внешнего бытия. Рене Декарт (1596—1650) первым открыл такого рода философию, а его сочинения стали своеобразным микрокосмом всей философии XVII—XX вв. Даже самого Канта следует считать всего лишь по-немецки серьезным продолжателем Декарта. Безусловно, Рене, гениальный математик и физик, считает себя великим новатором в области философии. Он, мол, освободил философию от авторитета, дал свободу бывшей «служанке теологии» и превратил ее в свободную и великую царицу⁷. Пусть верят теологи и простые люди. Философ же должен не верить, а сомневаться, сомневаться во всем (*doute universel*), пока он не найдет, подобно математике, совершенно верный принцип. Декарт предполагает, что он нашел такую «аксиому», утверждая свое индивидуальное сознание, которое мыслит, значит, существует (*cogito, ergo sum*). Опираясь на этот принцип, отец свободной философии выводит Бога и все, что только человек пожелает. Но действительно ли Декарт такой уж великий новатор? — Много подобного мы можем найти в сочинениях Дунса Скота, который, в свою очередь, прилежно штудировал произведения Августина и которого (Дунса Скота) прекрасно знал Декарт, но неизмеримо больше мы можем найти у самого Августина.

Правда, он не называл собственного сомнения методом (как это сделал Декарт, а до него Дж. Бруно (1548—1600), но, исследуя высшую истину, и Августин полон сомнения. Он желает философствовать на совершенно твердой основе, не признавая ни Платона, ни авторитета Аристотеля, как это позже сделали схоласты. Прежде чем начать доказывать, что Бог есть, «давайте начнем с того, что наиболее ясно»... «Разве ты, желая себя познать, знаешь, что ты есть? — Знаю. — Откуда же ты это знаешь? — Я не знаю. — Разве тебе известно — сложен ты или прост? — Не знаю»... «Знаешь ли ты, что ты мыслишь? — Да, знаю. — Значит, действительно то, что ты мыс-

лишь? — Действительно»⁸. — Несомненной истиной является то, что человек существует потому, что он мыслит (*cogitat*), хотя при этом и ошибается. «Не боишься ли ты, что ошибаешься в этом вопросе? Но не смог бы ошибаться, если бы не существовал»⁹.

Это уже декартовское *cogito, ergo sum*. В основе новой философии лежит известная идея святого Августина, здесь не упомянут лишь ее автор. Не упомянута и та судьба, которая нас подтолкнула к скептицизму и индивидуалистическому релятивизму — великая трагедия самого Августина, его ошибка в европейском знании. — «Хочу знать, что есть Бог и душа. — Всего лишь? — Да» (*Solil. I, 2*). Но какую душу старается познать Августин? — Ведь и Плотин, и греческие отцы тоже исследовали душу. Исследуемая ими душа в первую очередь являлась душой мира и всех людей, той, в которой не виден был индивид, а если его и можно было заметить, то только с трудом. Иногда метампсихоз¹⁰ считают христианской идеей, однако он (метампсихоз), как видно, склонен к отрицанию индивидуальности. Восточный мистик, таясь в Божественной любви, надеется забыть о собственном существовании, надеется перестать быть, слиться с Божественным пламенем. Христос искупил каждого человека, и христианин, конечно, не может отбросить индивидуальную душу. Однако восточный мистик как раз об этом и мечтает, хотя его вера действительнее и шире, нежели его мечты. Отбросить себя — значит, спастись, смертью преодолеть смерть¹¹.

Совершенно иной святой Августин, наиболее характерный западный человек. Душа, которую он исследует, это душа определенного индивида. Ради нее он готов забыть душу мира и всех других людей; других он согласен любить только ради Бога и часто любит только ради себя. Августин, являясь европейцем, и даже нашим современником, — индивидуалист. Это и его сила, и его слабость — сила потому, что он обязан защищаться от самых больших искушений индивидуализма, victorious в новой философии.

Как можно преодолеть, вернее, по-гегельянски — *aufheben* («снять»), восточный универсализм, а значит, спасти индивидуальность, при этом не отрицая, что она — весь мир, а Бог — в некотором отношении единое. С другой стороны, каким образом человек, ограничив себя непреодолимой стеной индивидуализма, способен доказать, что Бог и мир существуют? Как можно любить ближнего так же, как самого себя, если ближний в некотором смысле не есть ты сам? Но именно это разли-

чение легло в основу раскола христианского мира, который и до сих пор отравляет культуру. Восточная и западная веры, вместо того чтобы дополнять друг друга, одна другую пожирают, как это делают разум и авторитет.

Святой Августин, живя одной верой, по-видимому (мы верим, а Бог знает), смог избежать огромных опасностей. Для него бытие Бога было настолько же несомненной и изначальной истиной, как и его, Августина, собственное бытие. Это не было логическим выводом из сознания индивида: «Бог есть, в самом деле есть. И не только, веруя, мы имеем Его в себе, но и прикасаемся, познавая, хотя и очень слабо». О, Боже, — человек обнаруживает весь мир. Правда, аксиомы Августина превращают его в индивидуалиста, что связано с хорошо нам известными опасностями. Но он, как мы уже указывали, не отличает, подобно Декарту, философии от веры, и вера дополняет то, чего мы не знаем. В противовес декартовскому рационализму, «логике разума», Паскаль провозглашал «логику сердца» (*logique du coeur*), а сердце в делах веры понимает более, нежели разум. Декарт и его последователи — «бессердечные ученые» — надеются одним лишь разумом познать и доказать все то, что может постигнуть только цельный человек. Паскаль пытался рационалистически доказать пустоту рационализма. Августин же верил, желая познать, и познавал, желая верить. В Боге Сыне почитал Божий Ум, в Святом Духе — Божественную любовь. Поскольку Августин — цельный человек, он, любя, и верует и познает. Ему нет нужды избегать ни веры, ни авторитета, не надо отрицать ни разум, ни познание. Безусловно, познавая, он часто ошибается и ограничивает свой дух строгими теоретическими формулами. Но вера, религиозные исследования разрушают рациональный порядок и созданные разумом стены показывает путь из тюрьмы к духовной свободе. Сам того не ведая и не чувствуя, Августин почти преодолевает собственный индивидуализм, пророчествует об этом нашим временам. Сможет ли его индивидуализм преодолеть современность — это уже другой важный вопрос.

